

Глава XI. Махновщина и анархизм

Анархизм несет в себе два мира — мир философии, идеи, и мир практических достижений, действий. Между собою они находятся в тесной связи. Борющийся рабочий класс привлекает, главным образом, конкретная, практическая сторона анархизма. Основанием практического анархизма является принцип революционной инициативы трудящихся и их самоосвобождения. Отсюда сам по себе вытекает в дальнейшем и принцип безгосударственности и самоуправления трудящихся в новом обществе. Но до сих пор в истории пролетарской борьбы мы не имеем примера массового анархического движения в его чистом, строго принципиальном виде. Все бывшие до сих пор движения рабочих и крестьян были движениями в рамках капиталистического строя, с тем или иным анархическим оттенком. И это вполне понятно.

Рабочие классы находятся не в мире желательного, а в мире существующего, где они ежедневно подвержены физическим и психическим воздействиям враждебных сил. Помимо анархического мира идей, слабого в своем распространении, они постоянно испытывают на себе воздействие всей обстановки капиталистического мира.

Естественно, что и борьба, которую ведут рабочие и крестьяне, неизбежно несет на себе печать условий и особенностей существующего. Эта борьба не может родиться в готовой, законченной анархической форме, отвечать всем требованиям идеала. Такая законченная форма возможна лишь в узких политических кружках, и опять же не на практике, а в планах, в программах.

Широкая масса, начиная борьбу, особенно борьбу большую, неизбежно вначале совершает ошибки, допускает противоречия, отклонения и лишь в процессе этой борьбы выравнивает свою линию применительно к идеалу, за который борется.

Так всегда было. Так и в дальнейшем всегда будет. Как бы мы в предварительный, мирный период тщательно ни подготовили организации и позиции рабочего класса, в первый день решительной массовой борьбы дело пойдет далеко не так, как намечалось в плане: в иных случаях самим фактом большого массового выступления, непредвиденных уклонов и толчков массы некоторые позиции будут сдвинуты, потребуют уточнений. И лишь постепенно огромное массовое движение выберется на тот законченно-принципиальный путь, который ведет к цели.

Это, конечно, не означает, что предварительная организация позиций и сил рабочего класса не нужна. Наоборот, такая предварительная работа является единственным условием победы трудящихся. Но при этом следует постоянно помнить, что она далеко не венчает

дело, что и при наличии ее движение потребует еще Проницательности в каждый момент, уменья быстро ориентироваться в новых складывающихся обстоятельствах, словом, — оно потребует революционной классовой стратегии, от которой в значительной степени будет зависеть исход движения.

Анархический идеал велик и богат в разнообразии своих построений. Однако роль анархистов в социальной борьбе масс очень скромна. Их задача — помочь массам встать на правильный путь борьбы и создания нового общества. Если массовое движение не вступило еще в стадию решительного столкновения, они должны помочь массам уяснить смысл предстоящей борьбы, ее задачи и цели, должны помочь им наметить свои боевые позиции, организовать свои силы. Если же движение вошло в стадию решительного столкновения, они, не теряя ни минуты времени, должны войти в него, помочь ему освободиться от ошибочных уклонов, поддержать массы в их первых творческих начинаниях, служить им мыслью, стремясь все время к тому, чтобы движение прочно встало на путь, ведущий к основной цели трудящихся. В этом основная и, пожалуй, единственная задача анархизма на ближайший период революции. Рабочий класс, овладевший прочно позициями борьбы и социального строительства, несомненно, не уступит более никому инициативы творчества. Он будет уже руководствоваться своей мыслью, создаст общество по своей схеме. Быть может, это будет анархическая схема, но и она, и общество, по ней построенное, выйдут из недр освобожденного труда, срубленные и свинченные его мыслью, его волей.

Когда мы обращаемся к махновщине, то сразу же сталкиваемся с двумя основными сторонами этого движения: 1) народный, низовой, истинно пролетарский источник его; оно зародилось в массах, и массы от начала до конца поддерживают его, развивают и направляют; 2) оно не только стихийно, но вполне сознательно с первых дней своего зарождения стало опираться на некоторые бесспорно анархические принципы: а) на право полной инициативы трудящихся, б) на право их хозяйственного и общественного самоуправления, в) на принцип безгосударственности в социальном строительстве. В течение всего своего развития движение упорно и последовательно держится этих начал. Во имя их оно потеряло от 200 до 300 тысяч лучших сынов народа, отвергло союзы с иН кими бы то ни было государственными силами и в продолжение трех лет, в неслыханно тяжелых условиях, с героизмом, редким в истории, несет черное знамя угнетенного человечества, на котором написано — действительная свобода трудящихся, подлинное равенство в новом обществе.

В лице махновщины мы имеем массовое анархическое движение трудящихся — не вполне законченное, не вполне кристаллизованное, но устремленное к анархическому идеалу и пошедшее по анархическому пути.

Но потому именно, что движение это вышло из глубин масс, оно не располагало необходимыми теоретическими силами, нужными при всяком большом социальном движении. Этот недостаток сказался в том, что движение, перед лицом суровой действительности, запаздывало в развитии своих идей и лозунгов, в выработке

конкретных практических форм своих. Поэтому оно медленно и тяжело развивалось, особенно ввиду многочисленных враждебных сил, со всех сторон вцепившихся в него.

Следовало бы ожидать, что анархисты, так много говорившие всегда о массовом революционном движении, годами ждавшие его, как пришествия Мессии, поспешат войти в это движение, слиться с ним, отдаться ему целиком. На самом деле этого не произошло.

Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью, что движение как будто не чисто анархическое.

Между тем их помощь движению, особенно в то время, когда большевизм не разорвал еще нормальный рост последнего, была бы неоценима. Массы до зарезу нуждались в работниках, которые могли бы формулировать и развивать их идеи, выносить эти идеи на широкий простор жизни, разрабатывать формы движения и направлять его дальнейший ход. Анархисты не захотели быть этими работниками. Тем самым они нанесли огромный ущерб и движению, и себе. Движению — тем, что не отдали ему вовремя своих организационных и культурных сил, вследствие чего движение развивалось медленно, в муках, обходясь теми малыми теоретическими силами, которые имелись у масс. А себе анархисты нанесли вред тем, что ограничили свою связь с живой действительностью и тем самым обрекли себя на бездеятельность и бесплодие.

Мы обязаны констатировать, что русские анархисты проспали в своих кружках величайшее массовое движение, которое в настоящей революции является пока что единственным, призванным осуществить исторические задачи поработанного человечества.

Но в то же время мы считаем, что этот печальный факт произошел не случайно, что он имел вполне определенные причины. Остановимся на них.

Среди наших теоретиков анархизма большой процент составляют выходцы из интеллигенции. Это обстоятельство много значит. Находясь под знаменем анархизма, многие из них все же не могли целиком порвать с психологией среды, из которой вышли. Больше Других занимаясь теорией анархизма, они постепенно проникались сознанием руководства в анархическом мире и считали, что и само анархическое движение начнется от них или при их непосредственном участии. Движение началось далеко от них, на окраине, и притом в самых глубинах современного общества. Лишь немногие из теоретиков анархизма нашли в себе необходимые чуткость и мужество признать это движение именно тем, к которому их давно подготавливал анархизм, и поспешить к нему на помощь, правильнее будет сказать, что из всех интеллигентных, теоретически образованных анархистов только Волин решительно вошел в Движение, полностью отдав ему свои способности, силы и знания, ольшинство же теоретических работников анархизма остались в стороне от него. Это, конечно, не говорит ни против махновщины ни против анархизма, а только против тех анархистов и анархических организаций, которые в момент исторического социального движения крестьян и рабочих оказались настолько узки, пассивны и беспомощны, что даже не сумели или не хотели подойти к своему делу, когда оно облеклось в плоть и кровь и звало на свое поле всех, кому дороги свобода труда и идеи анархизма.

Другой, еще более важной стороной бессилия и бездействия анархистов является путаность идей анархизма и организационный хаос в его рядах.

Несмотря на всю силу, положительность и бесспорность идеалов анархизма, в нем есть немало недоговоренностей, общих отвлеченных мест и уклонов в области, не связанные с социальным движением трудящихся. Это создает почву для всякого рода кривых толкований целей анархизма, его практической программы.

До сих пор многие анархисты растрачивают свои силы над вопросом — является ли проблемой анархизма освобождение класса, человечества или личности. Вопрос пустой, однако он постоянно возникает из некоторых неясных положений анархизма и дает широкий простор злоупотреблениям в области анархической мысли, а затем и в области анархической практики.

Еще больший простор подобным злоупотреблениям дает неясная теория анархической свободы личности. Конечно, люди действия, с сильной волей и сильно развитым революционным инстинктом, в идее анархической свободы личности увидят прежде всего идею анархического отношения к каждой другой личности, идею неустанной борьбы за анархическую свободу масс. Но люди, не ведавшие революционной страсти, заботящиеся больше о проявлении своего «я», понимают эту идею по-своему. Всякий раз, когда вопрос заходит об организации анархической практики, о серьезной ответственности за нее, они хватаются за теорию анархической свободы личности и на основании ее противятся всякой организации, бегут от всякой ответственности. Каждый из них уходит под свою «смоковницу», создает свое дело, проповедует свой анархизм. Мысль и действия анархистов распыляются до абсурда.

Как результат этого, мы находим у русских анархистов изобилие различных практических систем. В 1904-07 гг. мы имели практические программы безначальцев и чернознаменцев, проповедовавших частичные экспроприации и безмотивный террор как методы анархической борьбы. Нетрудно видеть, что эти программы являются выражением случайного настроения случайных лиц в анархизме и могли появиться и быть предложены в анархической среде лишь при условии слабо развитого чувства ответственности перед народом и его революцией. В последнее время мы имеем ряд теорий, то болеющих симпатиями к государственной власти или к руководительству массами, то отвергающих принцип всякой организации и проповедующих абсолютную свободу личности или говорящих о слишком «универсальных» задачах анархизма, а в сущности стремящихся бежать от тяжелых обязанностей момента.

русских анархистов десятки лет треплет желтая малярия — дезорганизованность. Она выела в них чувство реальной мысли и к моменту революционной эпохи уготовила им историческое бездействие. Дезорганизованность есть родная сестра безответственности, а обе вместе они ведут к измельчанию идеи и пустоте на практике.

Вот почему, когда массовое движение в лице махновщины вышло из народных глубин — анархисты оказались такими неподготовленными, безвольными и слабыми.

Явление это, по-нашему, временное. Оно объясняется тем, что русский анархизм организационно еще не кристаллизовался. Он должен сорганизоваться, связав воедино всех тех, кто всем сердцем болеет за анархизм и кто прежде всего предан рабочему классу. Этим самым будет устранен наносной, дезорганизаторский элемент в анархизме.

Анархизм — не мистика, не разговор о прекрасном, не крик отчаяния. Он велик прежде всего своей преданностью угнетенному человечеству. Он несет в себе правду масс, их героизм и волевые устремления, и в настоящее время является единственным социальным учением, на которое массы могут доверчиво опереться в своей борьбе. Но, чтобы оправдать это доверие, анархизму недостаточно быть только великой идеей, а анархистам — платоническими выразителями ее. Анархистам необходимо быть постоянными участниками, чернорабочими революционного движения масс. Тогда это движение будет дышать всей полнотой анархических идеалов. Даром ничего не дается. Всякое дело требует настойчивых усилий и жертв. Анархизм должен обрести единство воли и единство действий, точное представление своих исторических задач. Анархизм должен войти в массу, слиться с ней.

Несмотря на то, что махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций, судьба ее и судьба анархизма тесно переплелись в русской действительности. Махновщина ярко светила анархическим светом. Повстанческая масса из всех социальных учений останавливалась с любовью единственно на анархизме. Очень многие повстанцы называли себя анархистами, не отказываясь от этого имени и перед лицом смерти. И в то же время анархизм дал махновщине несколько прекрасных работников, которые с полным самопожертвованием отдали свои силы и знания этому движению. Как ни мал был процент этих работников, они успели принести движению много пользы, связав анархизм с трагической судьбой махновщины.

Это переплетение судеб анархизма и махновщины началось с середины 1919 г. Летом 1920 г. оно было закреплено на Украине одновременным походом большевиков на махновцев и анархистов [наиболее ярко сказалось в октябре 1920 г., во время военно-поэтического соглашения махновцев с советвластью, когда махновцы первым условием этого соглашения поставили требование освобождения из тюрем Украины и Великороссии всех махновцев и анархистов и предоставления им права свободно исповедовать и распространять свои идеи и понимания.

Попробуем обозначить хронологически процесс вхождения анархистов в махновское движение.

Еще с первых дней революции 1917 г. в Гуляй-Поле организовалась группа анархистов-коммунистов, которая вела усиленную революционную работу в районе. Из этой группы вышли потом выдающиеся деятели и руководители махновщины — Н. Махно, С. Каретник, Марченко, Калашников, Лютый, Григорий Махно и другие. С самого зарождения махновщины эта группа находилась в тесной связи с движением.

В конце 1918 г. и начале 1919 г. в махновском районе создаются анархические группы и пытаются связаться с махновцами. Однако некоторые из этих групп, как, например, в г. Бердянске и иных местах, далеко не соответствовали призванию анархистов и кроме

отрицательного ничего не обещали движению. К счастью, движение было настолько здоровым, что прошло мимо них...

В начале 1919 г. в Гуляй-Поле, кроме таких выдающихся местных крестьян-анархистов, как Махно, Каретник, Марченко, Василевский и др., были уже анархисты, приехавшие из городов от известных организаций — Бурбыга, Михалев-Павленко и др. Они работали исключительно на фронте или в повстанческих частях в тылу.

Весной 1919 г. в Гуляй-Поле приезжают несколько товарищей, занявшихся главным образом организацией культурно-просветительного дела в районе: они осуществляют издание газеты «Путь к Свободе» — основной печатный орган махновцев, создают местный Гуляй-польский Союз анархистов, начинающий работать в армии и среди крестьянства.

В это же время в Гуляй-Поле появляется анархическая организация «Набат». Она работает в тесном контакте с махновцами, помогает им культурно и издает газету «Набат». Немного позже эта организация сливается с Гуляй-польским Союзом анархистов.

В мае из Иваново-Вознесенска в Гуляй-Поле приезжает группа рабочих-анархистов в количестве 36 человек. Среди них были известные анархисты Черняков и Макеев. Часть приехавших поселилась в гуляй-польской коммуне, в семи верстах от Гуляй-Поля, часть пошла на культурную работу в районе и в армии.

А в мае 1919 г. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат», являвшаяся наиболее активно действующей из всех анархистских организаций России, начинает понимать, что основной пульс революционной жизни масс бьется в освободившемся повстанческом районе. Она решает направить свои силы в этот район. В начале июня 1919 г. она посылает в Г.-Поле Волина, Мрачного, Иосифа Эмигранта и других работников. Предполагалось после рабоче-крестьянского съезда, созывавшегося Военно-революционным Советом на 15 июня в Г.-Поле, перенести туда координационный центр Конфедерации. Но происшедшее сейчас же одновременное нападение на район большевиков и Деникина помешало этим начинаниям. До Гуляй-Поля доехал один Мрачный, вынужденный через день-два, ввиду общего отступления, уехать обратно. Волин же и другие застряли в Екатеринославе и лишь под Одессой в августе 1919 г. вошли в отступающую уже махновскую армию.

Однако анархисты вошли в движение с громадным опозданием, когда нормальное развитие его было прервано боевыми действиями, сбито с пути социального строительства и поставлено необходимостью на военные рельсы.

С конца 1918 по июнь 1919 г. в районе были прекрасные условия для созидательной работы на местах: фронт стоял за двести-триста верст, почти под Таганрогом, а многомиллионное население 8-10 уездов было предоставлено самому себе.

Теперь анархисты могли работать лишь в обстановке военных действий, находясь под непрерывными обстрелами со всех сторон и ежедневно передвигаясь с места на место. В обстановке войны вошедшие в армию анархисты делали все, что было в их силах. Некоторые, как Макеев и Коган, вошли в боевую область действий; большинство же

занималось культурной работой среди повстанцев и в селах, по которым проходили махновцы. Но это не была созидательная, творческая работа среди масс. Боевая обстановка сузила ее, ограничив преимущественно беглой агитацией. О широкой созидательной работе нечего было и думать. Лишь в редких случаях, при занятии например Александровска, Бердянска, Мелитополя и ряда других городов и уездов, анархисты и махновцы имели временную возможность наметить работу в более широком масштабе. Но военная волна то с одной, то с другой стороны вновь накатывалась, смывая намеченную работу, и вновь приходилось ограничиваться суженной агитацией и пропагандой среди повстанцев и крестьян. Момент был неподходящий для широкой созидательной работы в массах.

Некоторые лица, не бывшие в движении или бывшие в нем кратковременно, на основании этого периода вывели то ошибочное заключение, что махновщина слишком много внимания уделяла военной стороне дела и недостаточно — положительной работе среди масс. На самом же деле вся военная полоса в истории махновщины являлась продуктом не ее самой, а только тех условий, которые сложились в отношении нее с середины 1919 г.

Государственники-большевики прекрасно учли смысл махновского движения и положение анархизма в России. Для них являлось несомненным то, что в настоящий момент анархизм в России, вне связи с таким массовым движением, каковым была махновщина, не будет иметь под собою почвы, будет безопасным и безобидным для них явлением. И наоборот, анархизм являлся единственным мировоззрением, на которое махновщина могла опереться в своей непримиримой борьбе с большевизмом. Вот почему они настойчиво прилагали все усилия к тому, чтобы оторвать одно от другого. И в конце концов объявили махновщину вне всяких

человеческих законов. При этом и в России, и особенно за границей они, как расчетливые дельцы, делают вид, что уверены в беспорности своих действий и что, мол, лишь слепые или совсем не знающие Россию люди могут усомниться в разумности и справедливости этой меры.

Монархическую идею большевики официально не объявили вне закона, но всякий революционный шаг анархистов они называют махновщиной и, оправдывая свою подлость иезуитской политической фразеологией, бросают их в тюрьмы или рубят им головы. В конечном счете — и махновщина, и анархизм, не желающий холопствовать перед большевиками, находятся в одинаковом положении.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 2 апреля 2025 11:52:42

██████████ ██████████ обновил 2 апреля 2025 11:53:19